

УДК 81'42
ББК Ш401.7

ГСНТИ 16.21.41, 16.21.43

КОД ВАК 10.02.19

М. КРАВЕЦ

Катовица, Польша

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

Аннотация. Рассматриваются лексические и грамматические способы негативной оценки, применяемые Ю. Олешей в романе «Зависть». Демонстрируется, что негативная оценка в романе почти всегда имплицитна, выражается в сравнениях, игре на значениях многозначных слов и т. д., положительная же, напротив, – эксплицитна.

Ключевые слова: Ю. Олеша; негативная оценка; сравнение; тавтология; художественный язык; стиль.

MALGOZHATA KRAVETS

Katowice, Poland

PECULIARITIES OF NEGATIVE EVALUATION IN THE NOVEL BY YU. OLESHA "ENVY"

Abstract: Lexical and grammatical means of negative evaluation are discussed, which are used by Yu. Olesha in his novel "Envy". It is shown that negative evaluation in the novel is always implicit, it is revealed in comparisons, language game with words with several meanings and so on. Positive evaluation is, on the contrary, explicit.

Key words: Yu. Olesha; negative evaluation; comparison; tautology; language of fiction; style.

Роман «Зависть» Юрия Олеши написан в 1927 году и представляет картину жизни и конфликтов интеллигенции послереволюционной Москвы, а именно – второй половины 20-х годов, когда советское правительство уже свернуло так называемый НЭП, новую экономическую политику. Уже успевшие привыкнуть к эфемерному изобилию столичных магазинов, москвичи снова столкнулись с проблемами и «дефицитом». Автор, благодаря разным стилистическим приемам, сумел создать поистине уникальную книгу этого времени, которую нередко называют вершиной русской литературы XX века. Своеобразный язык романа необычайным образом воссоздает специфическую картину

мира, состоящую из реалий новой советской действительности.

Неудовлетворенность теми изменениями, которые происходят в советской России после революции 1917-го года, чувство полной безнадежности в будущем и несбыточности каких бы то ни было мечтаний мастерски отражены писателем в его романе «Зависть». Именно поэтому, пожалуй, книга Ю. Олеши переполнена отрицательными эмоциями Николая Кавалерова и Ивана Бабичева, а также выражениями негативной оценки.

Приведенные нами далее примеры из текста [Олеша 1983] и представляющие собой высказывания главных героев романа мы будем анализировать, прежде всего, с семантической точки зрения и с учетом грамматических конструкций, которыми выражается в тексте и речи персонажа та или иная негативная оценка.

Как показывает структурно-семантический анализ текста, у Ю. Олеши выражение негативной оценки может быть заключено, в частности, в тех предложениях, где Андрей Бабичев явным образом сравнивается с кем-либо иным по тем или другим признакам, например:

«Он похож на большого мальчика-толстяка»

Через сравнение, содержащееся в именном сказуемом «похож», мы немало узнаем о лице, о котором идет речь, т.е. об Андрее Бабичеве. С одной стороны, появляется негативное представление о том, как он выглядит. При этом «похож» семантически равнозначен имени прилагательному «подобный», т.е. имеющий такие же точно свойства, признаки или черты, если речь идет о человеке. Лексемы «большой» и «толстяк» употребляются в речи для описания большого размером и тучного человека – так выглядит Бабичев. Поэтому можно говорить о своего рода тавтологическом элементе: понятие «толстяк» уже содержит в себе значение «большой человек», по размерам и объему. С другой стороны, сравнение Бабичева с «мальчиком-толстяком» может объясняться и тем, что он недотепа, он не в состоянии справиться с серьезной проблемой. Сравнение с мальчиком наводит на мысль о том, что Бабичев в жизни неопытен и, в частности, не имел интимных контактов с женщинами. Общая оценка такого типа имеет негативный характер.

И второй пример выражения негативной оценки путем сравнения:

«Он, оказалось, щеголь»

Андрей Бабичев «толстяк». Но при этом он «щеголь». Эта лексема, образованная в русском языке от названия птички

щегол, имеет исключительно переносный смысл: как щегол имеет пестрые перья, так и Бабичев выглядит *щеголом*, т. е. одевается модно. По сравнению с другими людьми, номенклатурный работник Бабичев, в его дорогом заграничном костюме, имеет вид франта. Но в этом содержится явно негативный оттенок, так как его элегантность - следствие только его исключительного служебного положения. У других просто нет возможности так одеваться.

Способом выражения негативной оценки Андрея Бабичева в романе также является сравнение его характера с профессиональными привычками *ключницы*:

«Он *мелочен, недоверчив и кропотлив, как ключница*»

В этом предложении, благодаря однородным именным сказуемым, выраженным краткими качественными прилагательными (*мелочен, недоверчив, кропотлив*), субъект речи, Кавалеров, очень точно описывает и поведение, и характер Андрея Бабичева, скупого хозяйственника. Так, по *Толковому словарю* Д. Н. Ушакова, при этом «званием мелочного человека называется тот, кто придает значение пустякам» [<http://dic.academic.ru>]. Лексема «*недоверчив*» характеризует Бабичева как человека, с большой осторожностью относящегося к другим, подозрительного и неискреннего. Прилагательное «*кропотлив*» характеризует данного героя романа как человека дотошного, педантичного до мелочей, скрупулезного в своей деятельности. И в этом следующий тавтологический элемент, любимый прием Ю. Олеши: «*мелочный*» - «*кропотливый*». → Бабичев человек приземленный, без полета, типичный советский чиновник, а недоверчивость и подозрительность - типичная черта для эпохи в целом.

Андрей Бабичев сравнивается в романе с «*ключницей*», т. е. с лицом женского рода, причем слово образовано от имени существительного мужского рода *ключник*. Все эти отрицательные черты бабы-ключницы характеризуют и Бабичева, ведущего себя так же.

Отрицательные эмоции Андрей Бабичев вызывает, в частности, когда ест. Еда занимает особое место в романе «*Зависть*» - для Бабичева это, в первую очередь, товар, запущенный в производство. Николай Кавалеров наблюдает за принимающим пищу Бабичевым и негативно его оценивает. В этом случае для выражения негативной оценки снова использовано простое именное сказуемое: «Он *обжора*». Употребление этого имени существительного общего рода отрицательно характеризует Бабичева: «*обжора*» - человек жадный до пищи, ненасыт-

ный, который есть слишком много, объедается за столом. В условиях скудности советской России это также указывает на то, что Бабичев - человек по тем временам богатый и может себе позволить обжорство. В трудные 20-е годы, уже после НЭПа, в магазинах продуктов было немного, не было и никакого выбора. Мало того, далеко не каждый мог позволить себе сытно пообедать. Негативная оценка «*обжорства*» в романе очевидна и всячески подчеркивается.

Андрей Бабичев питается часто, много и сытно. Еда не является для него только едой. Можно сказать, что этот человек за столом единоборствует с едой, стараясь одержать победу над ней. Николай Кавалеров, наблюдавший за обедающим Бабичевым, описывает отвратительную картину поглощения пищи: «Глаза его налились кровью, он снимал и надевал пенсне, чавкал, сопел, у него двигались уши». Из этого предложения однозначно следует, что Бабичев ест по-свински. Словосочетание «*глаза налились кровью*» подчеркивает то, что Бабичев во время еды нервничает, торопится, тратит на еду много физических усилий. → Бабичев не человек, а животное. Он ведет себя неприлично – обратим внимание на глагол «*чавкал*». Непереходный, несовершенного вида просторечный глагол является звукоподражательным глаголом и означает то, что Бабичев издает во время еды неприличные хлюпающие, хрюкающие звуки.

Грамматически лексема «*сопел*» имеет такую же характеристику, как лексема «*чавкал*». Однако семантически она несколько иная: «*сопеть*» значит «тяжело дышать из-за утомления, злости или усилия». → Еда в таком количестве утомляет даже «*обжору*» Бабичева. А то, что у Бабичева во время еды «*двигались уши*», объясняется тем, что Бабичев ест очень быстро и жадно, что дополняет, в глазах Кавалерова, комизм этой отвратительной невербальной ситуации.

Следующее предложение так же, как и предыдущее, подчеркивает то, что Бабичев очень любит хорошо поесть: «Он наелся до отвала». В этом простом предложении негативная оценка выражена наречием «*до отвала*». Оно означает то, что Бабичев наелся досыта, до границы возможного – так, что больше не лезет: «Потянулся к яблокам с ножом, только рассек желтую скулу яблока и бросил». Обычный советский человек в это время ест лишь то и столько, что и сколько ему дает государство (например, по карточной системе), или столько, сколько ему удастся «купить еды». В 20-е годы мало кто был в состоянии «обжираться» так, как это делает в романе но-

менклатурщик Бабичев.

Примером яркой негативной оценки будет описание отношения Андрея Бабичева к «Четвертаку» – столовой, которую он строит: *«Он заведует всем, что касается жранья. Он жаден и ревнив. Ему хотелось бы самому жарить все яичницы, пироги, котлеты, печь все хлеба. Ему хотелось бы рожать пищу»*. По сути своей каждое из этих выражений является в романе негативной оценкой. Уже первое предложение, несмотря на высокую оценку статуса самого Бабичева как ответственного работника, обладает отрицательной окраской: *«Он заведует всем, что касается жранья»*. Непереходный глагол несовершенного вида «заведует» свидетельствует о том, что герой руководит и управляет. Однако позитивная статусная сторона обесценивается грубым словом, отглагольным существительным «жранье», которое в тексте определяет «то, чем управляет Бабичев». Лексема, образованная от глагола несовершенного вида *жрать*, вульгарного по окраске, означает «есть много, жадно, имея при этом неприятный вид». → Бабичевский «Четвертак» способен удовлетворить лишь самые грубые, примитивные, животные потребности человека, а именно – чувство голода.

Негативная оценка снова заключается также в выражениях, в которых роль именного сказуемого играют краткие прилагательные: *«Он жаден и ревнив»*. «Жаден», как мы уже разбирали выше, означает то, что Бабичев – человек ненасытный и, можно сказать, алчный к еде и ко всему, что пищи касается. Поэтому важную роль играет определительное местоимение «самому» (*жарить, печь и рожать*), поскольку Бабичев все хотел бы делать лично, без чьей-либо помощи, а тем самым быть как можно ближе к этой самой «еде». В этом самоуверенности Бабичева, который считает, что никто лучше него самого ничего не делает, – в этом негативная оценка, усиленная в речи Кавалерова оттенком иронии. Несовершенный вид используемых глаголов подчеркивает длительность и незавершенность процессов, связанных со строительством «Четвертака». То же самое выражает и глагол несовершенного вида «рожать». Конечно, эта лексема могла бы быть синонимом слов *создавать, творить* что-либо. Но мы обратили особое внимание на этот глагол потому, что в устах Кавалерова он звучит вызывающе грубо: глагол «рожать» чаще всего употребляется в контексте рождения ребенка. В современном просторечии, применительно к какому-либо действию и результату, он же имеет значение «делать что с большой натугой, медленно и с трудом, бессмысленно долго, нужно» Употребление данной лексемы в словосо-

четании *«рожать пищу»*, тем самым, весьма негативно оценивает усилия Андре Бабичева как руководителя, снова подчеркивая то, что он за все хватается сам (→ недоверчив и самоуверен).

Подытоживая семантику всего фрагмента текста, сделаем следующие выводы:

а) Андрей Бабичев относится к еде как к промышленному товару, производственной необходимости → главное не сама пища (ее качество, вкус, полезность, питательность), а ее так называемое «валовое количество» (то, сколько ее будет выпускать пищевой комбинат);

б) он жаден в еде → сам ест много, даже чересчур много, со вкусом, разнообразно, однако его *«обед из двух блюд за четвертак»* весьма прост и примитивен: *«яичницы, пироги, котлеты, хлеб»* (голодный народ и за то будет благодарен);

в) он самоуверен, считает, что все делает лучше других → недоверчив, мнителен, за всем следит, все перепроверяет (потому что сам боится каких-либо ошибок, за которые могут привлечь к ответственности; типично для советского руководителя тех лет);

г) Андрей Бабичев – «баба» (о чем свидетельствует и его «говорящая» фамилия), он берется за женскую работу (*жарить, печь*), он женоподобен, у него «женские» руки → он «не мужчина», поэтому ему осталось только начать *«рожать пищу»*.

Негативную реакцию Кавалерова вызывает также неприятный смех Андрея Бабичева. Кроме того, Бабичева смешат ошибки других людей, а также всякие пустяки, что должно делать его фигуру еще более отвратительной: *«Он подзывает меня, давясь от хохота. Он ржет, тычет пальцем в лист. Я с ужасом внимаю ему. Это хохот жреца. Я слушаю его, как слепой слушает разрыв ракеты»*. Первое предложение дает представление о том, как внешне выглядит смех одиозного героя романа. Устойчивое выражение *«давясь од хохота»*, выраженное в данном случае деепричастным оборотом, может и не иметь негативной оценки, однако фрагмент текста в целом указывает именно на негативную оценку в описании Бабичева: он во всех своих проявлениях неприятен Кавалерову. Надо отметить в данном контексте также то, что «хохот» как вид смеха – это «очень громкий смех» и даже «грубое, демонстративное проявление эмоций», что свойственно Бабичеву (→ «большой начальник» может себе такое позволить).

Негативную оценку его манер в тексте выражает и непереходный глагол несовершенного вида *«ржать»*. Этот звукопод-

ражательный глагол в прямом значении, как и отглагольное существительное «ржание», передает звучание конского голоса, т.е. «звуки, издаваемые конем, лошадю». И это еще раз в тексте романа подчеркивает грубую, примитивную, «животную» натуру Бабичева. В переносном смысле, применимо к человеку, «ржать» - это тоже «разновидность грубого громкого смеха». То, что Бабичев заливается, закатывается смехом из-за того, что прочитал на листе бумаги, в каком-то официальном документе, также не характеризует его положительно.

О том, что смех Бабичева действительно режет уши, свидетельствует следующее выражение фрагмента: «Я с ужасом внимаю ему» → Бабичев внушает страх, его смех страшен. И страшен, видимо, потому, что от него зависят все и всё. При этом действие «тыкать пальцем» (в кого, во что) весьма грубо, бестактно и вульгарно, что свидетельствует о бескультуре Андрея Бабичева как ответственного руководителя и «большого начальника».

То же самое подтверждает и словосочетание с весьма экспрессивным несогласованным определением «хохот жреца», где лексема «жрец», по С. И. Ожегову, имеет два значения: 1) «служитель божества, совершающего жертвоприношения», а также в переносном значении 2) «человек, который посвятил себя служению чему-нибудь» [Ожегов, Шведова 2006: 195] → Чревоугодник Бабичев посвятил себя служению «колбасе».

Свидетельством в тексте того, что Кавалерову очень неприятны и смеющейся Бабичев, и его грубый и громкий «хохот», является развернутое придаточное предложение с семантикой сравнения: «Я слушаю его, как слепой слушает разрыв ракеты». Это сравнение, по форме и смыслу весьма неординарное, может быть мотивировано тем, что, при разрыве ракеты, очень много шума и грохота, а так как слепой не может увидеть то, что происходит, то его этот грохот ввергает в страх и смятение. Животное начало Бабичева подтверждается и другими деталями романа, например, во фрагменте: «Он на ходу совал швейцару тирольку и, выпучив глаза, бежал по лестнице, тяжелый, шумный и порывистый, как вепрь. "Колбаса!" – звучит во многих кабинетах. <...>»

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

а) у Андрея Бабичева очень грубый и неприятный хохот, это «животный» смех → Бабичев – не человек, а «животное» (свинья, конь, «вепрь»); и Николай Кавалеров боится его смеха, напуган такими его проявлениями;

б) «великий колбасник» чувствует себя «жрецом» → от не-

го так много зависит в советской пищевой промышленности, что он любого, нижестоящего, может «подозвать к себе», как Кавалерова.

Николай Кавалеров, разгадавший действительный характер и намерения Андрея Бабичева, пишет ему в романе письмо. В письме Кавалеров при этом прямо прибегает к оценочным высказываниям в адрес своего «благодетеля» с выраженной негативной окраской: *«Но оказалось, вы просто сановник, невежественный и тупой, как все сановники, которые были до вас и будут после вас. И, как все сановники, вы самодур»*. Кавалеров, называя Бабичева устаревшим словом «сановник», что уже само по себе несет негативную окраску, оценивает того, снова употребляя однородные согласованные определения «*невежественный*» и «*тупой*».

Первое сочетание слов – «*невежественный сановник*» – свою негативность концентрирует в семантике качественного прилагательного «*невежественный*» (человек примитивный, не обладающий какими-либо знаниями, возможно, даже довольно безграмотный и не слишком образованный). Второе сочетание – «*тупой сановник*» – характеризует Бабичева как человека неумного, твердолобого и, похоже, тугодума, т.е. как тупицу и дурака. Однако оба сочетания определений со словом «*сановник*» включает в себе своего рода семантическую антонимию: эти слова не сочетаются и как бы противоречат друг другу: сановник, как человек на высоком посту, должен быть образованным, грамотным, разбирающимся во многих вопросах.

Тем самым оба определения крайне экспрессивные, негативно окрашенные и грубые, с точки зрения узувального употребления → а потому в данных противопоставлениях Николай Кавалеров подчеркивает свою негативную оценку Андрея Бабичева – как человека, не соответствующего, в силу своих личных качеств, занимаемому посту.

В следующем предложении – «*И, как все сановники, вы самодур*» – Кавалеров не только подмечает отрицательную черту конкретного чиновника Бабичева, но также обобщает – таковы все те, кто занимает высокие посты в советской России. При этом имя существительное «*самодур*», употребленное в речи Николаем Кавалеровым (и образованное как сложное слово: *сам* + *дурить*, т.е. «делать все, что взбредет ему в голову, не считаясь с другими»), описывает Бабичева в ряду остальных советских сановных лиц как не считающегося с мнением и желаниями других людей. Они для него просто не существуют. Тем самым, что следует подчеркнуть, Николай Кавалеров нега-

тивно оценивает этой и предыдущей фразами не только самого Бабичева, которому адресовано письмо, но также всех партийных «сановников» в целом → Благодаря этому мы получаем представление о поведении любого партократа, занимающего в этом государстве значительный пост.

Следует обратить внимание на то, что в письме, направленном Андрею Бабичеву, несколько раз появляется одна и та же фраза, имеющая в романе и речи Кавалерова особое значение: «*Вы – барин*». Употребление данной лексемы могло бы быть в тексте нейтральным. Так, по В. И. Далю, «барин - это человек высшего сословия, дворянин» [Даль 1998: 78]. Но в советской России больше нет сословий. И в письме, в котором субъект речи, Николай Кавалеров, открыто оскорбляет номенклатурного работника Андрея Бабичева, эта лексическая единица несет в себе явно негативную оценку.

Негативная оценка заключается не в прямом значении самой лексемы, а в ироническом ее употреблении субъектом речи: Николай Кавалеров насмехается над Бабичевым. Подчеркивает его тупость. Неоднократное употребление данной фразы в письме служит для усиления негативной экспрессии и переносного значения единицы: советский чиновник ведет себя не по-советски, он белоручка, ленивый бездельник, лишь изображающий бурную деятельность на благо страны. Все это входит в переносное значение лексической единицы «*барин*».

Субъект речи, каковым является Кавалеров, отрицательно оценивает в целом Андрея Бабичева – в данном случае, как своего непосредственного врага и противника. Высказывание состоит из перечисления ряда имен существительных с негативным значением и играющих в данном контексте роль бранных лексем: «*А я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы, уверенного в том, что все сойдет ему благополучно*».

Кавалеров в письме объявляет Бабичеву «*войну*», обзывая его при этом разными словами, звучащими в устах Кавалерова и в данном контексте как бранные, оскорбительными. Для начала он называет ненавистного противника «*обыкновеннейшим барином*». Превосходная степень имени прилагательного с суффиксом *-ейш-*, выступающего в роли согласованного определения к уже знакомому нам оценочному имени существительному (*барин*) → В этом случае превосходная степень определения и само сочетание слов подчеркивают насмешку субъекта речи над тем местом, высоким постом, которое занимает в советском государстве Андрей Бабичев.

При этом семантика лексемы «эгоист» крайне важна для общего смысла данного высказывания: по С. И. Ожегову, «эгоист - это человек, который отличается эгоизмом, себялюбец» [Ожегов, Шведова 2006: 906] → Бабичев только изображает, что весь с головой ушел в работу, думает только о людях (как накормить весь народ), хороших продуктах для рабочих (новый сорт колбасы), строительстве комбината «Четвертак». А на самом деле его интересует лишь он сам – его высокий пост, почет и сила власти, номенклатурные привилегии («прекрасная квартира», вещи и продукты из партийного «распределителя»), что вполне типично для советского чиновника.

Кавалеровское определение Бабичева как «сластолюбца» имеет двойное значение. Так, прямое значение этого устаревшего слова – «человек, любящий сласти» и, соответственно, «любящий вкусно поесть». Переносное значение того же слова – «распутник, человек разгульного образа жизни» → Бабичев не только любит вкусно поесть, но и вообще привык к «сладкой жизни», какую ведут в советской России представители партийной и хозяйственной номенклатуры, так называемые «ответственные работники».

«Тупица» как определение Бабичева уже объяснялось нами в связи с анализом предыдущего примера из текста. Кавалеров не сомневается в том, что Бабичев неумный человек, дурак, которого все принимают за умного и знающего специалиста. Негативная оценка объекта речи усиливается тем, что тот «уверен в том, что все сойдет ему благополучно» → Полная безнаказанность партийных работников – одна из наиболее характерных черт советской действительности.

Если рассматривать далее письмо, которое Кавалеров пишет Бабичеву, то становится ясно, какие чувства движут в первую очередь Кавалеровым: «Я хочу выразить вам свои чувства. Собственно, чувство-то всего одно: ненависть. Я вас ненавижу, товарищ Бабичев. Это письмо пишется, чтобы сбить вам спеси. С первых же дней моего существования при вас я начал испытывать страх. Вы меня подавили. Вы сели на меня».

Главное чувство, как мы видим, это чувство «ненависти», острое чувство вражды к Бабичеву. Здесь же Кавалеровым дается мотивация написания письма к Бабичеву – мотивация выражена устаревшим фразеологизмом «сбить вам спеси». Кавалеров тем самым как бы хотел призвать Бабичева к порядку, повлиять на него в положительную сторону, указать ему на его недостатки → Но, как следует из того же контекста, Бабичев – человек надутый и чванливый, как типичный для советского

государства «большой начальник».

Отрицательная оценка фигуры Бабичева усиливается также следующим выражением – «*при вас я начал испытывать страх*». Отсюда можно сделать вывод о том, что до момента знакомства с Бабичевым Кавалеров не знал чувства страха, никого никогда не боялся. Поэтому негативное по отношению к Бабичеву мотивировано в тексте тем, что тот вызывает у окружающих страх – своим положением, своею властью и вседозволенностью (о которой мы говорили раньше) → Видимо, Бабичеву нравится то, что его все боятся, нравится вызывать страх, даже у беззащитного Кавалерова.

Рассмотрим теперь следующее предложение: «*Вы меня подавили*». Это означает, что Бабичев *подавляет* своего протеже и всех окружающих своим номенклатурным величием, что мы заметили еще на материале нашей второй главы («*возле него смыкался круг*»). В этом примере, как и в предыдущем, негативная оценка заключается в недосказанности этого выражения, в том, что остается как бы за пределами текста романа → Страх перед Андреем Бабичевым ввергает Кавалерова в депрессию, приводит в мрачное, тоскливое настроение.

Последнее предложение – «*Вы сели на меня*» – надо понимать, конечно, не буквально, а в переносном смысле. Непереходный глагол совершенного вида «*сесть*», употребленный в выражении, не обозначает того же самого, как если бы, например, «*сесть в кресло*». Более того, с точки зрения общего контекста, скорее, именно Кавалеров «*сидит на шее*» у Бабичева. Однако сам Кавалеров ощущает эту ситуацию совсем иначе → Здесь выражение «*сесть на меня*» равнозначно по значению фразеологизмам «*смешать с грязью*» или «*задавать головоломку*», т.е. Кавалеров, попав в полную зависимость от Бабичева, испытывает постоянное на себя давление. Чувство вынужденной подчиненности унизительно.

Итак, можно сделать несколько выводов:

а) негативная оценка в тексте Ю. Олеши может быть также выражена посредством переносного значения того или иного выражения → поэтому речь Кавалерова не только использует переносные значения слов, но также нередко содержит намеки, аллегории, ассоциативные метафоры и сравнения;

б) через описание актуального состояния субъекта речи, Кавалерова, опосредованно в тексте создается негативный портрет Андрея Бабичева, поскольку отрицательные черты его характера проявляются прежде всего в его отношении к подопечному, а также к другим, окружающим его, людям.

В письме к Бабичеву Николай Кавалеров не только негативно оценивает своего корреспондента, но также описывает то, как чувствует себя в присутствии замечательного «колбасника»: *«Вы стоите в кальсонах. Распространяется пивной запах пота. Я смотрю на вас, и ваше лицо начинает странно увеличиваться, увеличивается торс, – выдувается, выпукляется глина какого-то изваяния, идола. Я готов закричать»*. Кавалеров рисует в письме негативный образ своего неприятеля, описывая Бабичева *«стоящего в кальсонах»*. Кальсоны считаются нижним мужским бельем, следовательно, принадлежат к самой интимной части гардероба, при посторонних в таком виде показываться неприлично → Бабичев не стесняется своего жильца: он его просто презирует и не считает за человека. И в этом уже таится негативная оценка данного персонажа.

От Андрея Бабичева *«распространяется пивной запах пота»*, что вызывает весьма неприятные ощущения у Кавалерова и, как результат, его негативную оценку «чистюли» Бабичева → Человек, занимающий столь высокую позицию в обществе, должен соблюдать элементарную гигиену. Однако в этом случае возникает вопрос – не показная ли была его чистоплотность, отмечавшаяся до сих пор тем же Кавалеровым?

Так, в первой главе мы рассматривали как пример позитивной оценки то, что Бабичев употребляет – видимо, дорогой импортный – одеколон. Но теперь в тексте романа появляется противоположная информация: от Бабичева дурно пахнет, он, по свидетельству Кавалерова, даже смердит → Поэтому мы, наверное, можем назвать Андрея Бабичева лицемером.

Николай Кавалеров чувствует себя при номенклатурном работнике Бабичеве униженным и оскорбленным, «задавленным» непомерным величием своего патрона. Он чувствует себя так, как чувствовал бы себя маленький человек рядом с великаном. И это тоскливое ощущение в тексте начинает приобретать гротескный характер, в речи субъекта мы наблюдаем сильное преувеличение, гиперболизацию – *«ваше лицо начинает странно увеличиваться, увеличивается торс»* → Кавалеров чувствует себя рядом с ним бесполезным и ничтожным, причем не только по величине: Бабичев вырастает в глазах за счет статуса, всемогущества и силы, утопая при этом в своем собственном величии.

При жизни он как бы заранее превращается в скульптуру, огромный памятник самому себе – *«выдувается, выпукляется глина какого-то изваяния, идола»*. Появляется ощущение, будто Кавалеров оказался вдруг перед изваянием своего врага –

перед идолом, которому можно поклоняться, на которого можно молиться. Конечно, этим «идолом» является Баби́чев. → Баби́чев богоподобен. Впрочем, сравнение Баби́чева с идолом является откровенной насмешкой со стороны Кавалерова. Однако в романе Баби́чев ведет себя так, как будто он действительно идол, эталон советского номенклатурщика.

При виде такого величия Баби́чева Кавалерова, по его собственному определению, настолько охватывают страх и трепет, что он «готов закричать» – конечно, это из-за воображаемого страшного лица Баби́чева. → Но, может быть, это вырывается крик восторга при виде вождя? Или «ура!» – как крик ликования? Иронический подтекст Ю. Олеша оставляет как бы за пределами своей книги, на усмотрение читателей...

Заклучим анализ этого фрагмента текста короткими выводами:

а) Андрей Баби́чев ведет себя как идол → он чувствует себя Богом, верит в свое всемогущество;

б) Баби́чев лицемер → тем самым все его «положительные» черты, что служили в прошлом основанием для позитивной оценки его фигуры, сводятся на нет;

в) он вызывает страх у людей → поэтому он должен вызывать у них такую же ненависть, как у Кавалерова.

С отрицательной стороны мы узнаем Андрея Баби́чева и тогда, когда речь в романе идет о способе его говорения. Заметим, что приводимый ниже пример в тексте заключен в скобки и как бы исполняет роль ремарки, поскольку Кавалеров, ведущий беседу с Баби́чевым, в этот момент не говорит, а только думает. Однако даже мысли его о Баби́чеве заключают в себе негативную оценку: «(Он никогда не говорит со мной нормально. Как будто ни о чем серьезном я не могу его спросить. Мне всегда кажется, что в ответ от него я получу словицу, или куплет, или просто мычание)». В первом предложении в контексте нашего структурно-семантического анализа семантически важно определительное наречие «нормально». Оно должно бы означать то, что говорить так, как следует, не отклоняясь от принятой нормы. Но в тексте Ю. Олеша, однако, есть отрицание: «он никогда не говорит со мной нормально» → в разговоре между собой Кавалеров и Баби́чев не соответствуют шести максимам выделенных Дж. Личем [Leech 1983]. Нарушаются все языковые нормы правильного общения. И нарушаются они, судя по ремарке Кавалерова, прежде всего со стороны Баби́чева – это он занимает высокое место в партийной и хозяйственной иерархии советской России, а потому ему все

дозволено (с людьми он не считается, на что мы не раз обращали внимание в нашем исследовании).

Очень важным с семантической точки зрения является также следующий фрагмент предложения: «*ни о чем серьезном я не могу его спросить*». Кавалеров, в своем внутреннем монологе, оскорблен тем, что Бабичев не относится к нему серьезно, т. е. практически не считает его за человека. Для номенклатурщика Бабичева такие, как Кавалеров, – не более чем ничтожество.

Особое место во внутренней речи Кавалерова занимают предполагаемые «ответы» Бабичева на любые его вопросы: боится, что тот просто отделается от него «*пословицей*», «*куплетом*», «*мычанием*». Чтобы лучше понять смысл кавалеровского высказывания, рассмотрим семантику каждого из этих слов. Так, «*пословица*» выражает некую общую мысль, произвольно привязанную в речи к определенной ситуации, в устах Бабичева это какое-нибудь безликое мнение. «*Куплет*», по С. И. Ожегову, «строфа песни, лирического стихотворения» [Ожегов, Шведова 2006: 314], т. е. нечто легкомысленное и не относящееся к сути конкретного разговора. «*Мычание*» – это «издавание непонятых, нечленораздельных звуков», которое свидетельствует о том, что Бабичев не интересуется смыслом беседы, не слушает и не отвечает, уклоняется от участия в ней, т. е. презирает Кавалерова, считает его недостойным своего внимания. Все эти лексемы свидетельствуют о том, что Бабичев относится к Кавалерову несерьезно и считает его глупее себя.

Интерес представляет также фрагмент текста «*в ответ от него я получу <...>*», поскольку в русской традиции часто «*получают в ответ*» оскорбительное слово или даже пощечину. Из рассмотренного нами фрагмента текста можно сделать вывод: Бабичев, в беседе с Кавалеровым, не соблюдает элементарных правил хорошего тона, презирает и унижает последнего → Речевые ситуации поэтому всегда создают в романе недоразумения и межличностные конфликты.

Негативной оценкой Андрея Бабичева в романе Ю. Олеши является само его поведение. В подобных примерах из текста оценка выражается не прямо, а косвенно, через описание тех или иных его поступков и проявлений. Таким примером будет негативное отношение Бабичева к своему брату Ивану, обычно проявляющееся бурно, с раздражением: «Тогда Бабичев снова вскакивает и со сжатыми кулаками вылетает на балкон. Определенно бушуют деревья».

Из текста следует то, что Бабичев – человек несдержанный и вспыльчивый, что вряд ли характеризует его как хорошего

советского руководителя. Интересен в этом плане непереходный глагол несовершенного вида «*вскакивать*»: Бабичев нервно срывается с места, куда-то бежит. Аналогично характеризует его и глагол «*вылетать*»: на балкон он также выскакивает неожиданно, давая выход гневу, бешенству, злости – по отношению к брату. О последнем говорит сам его вид, а также агрессивная жестикуляция – «*сжатые кулаки*», что означает прежде всего угрозу и ненависть: всемогущий Бабичев угрожает своему жалкому брату.

Последнее предложение фрагмента аллегорически подчеркивает в тексте то, что Бабичев действительно нервничает, злится и бесится. Выражение «*определенно бушуют деревья*» как бы усиливает аффективность злобы, которая терзает в этот момент Бабичева.

Сделаем из этого выводы:

а) отношение Андрея Бабичева к брату Ивану более чем холодное. → Бабичев брата ненавидит, нервничает и злится при его появлении («несоветский» брат Иван не вписывается в идеальную жизнь советского хозяйственника и члена правительства);

б) сама природа (*бушующие под балконом деревья*) передает враждебные чувства номенклатурного работника Бабичева к родному брату (он презирает, стыдится брата, избегает его общества).

Итак, говоря о языковых особенностях произведения, следует отметить, что негативная оценка в тексте данного романа часто выражается рядами сравнений, выраженных, к примеру, одушевленными именами существительными, которые содержат в себе сильный отрицательно-семантический заряд. Мы заметили также то, что негативность выражений оценки бывает в тексте заключена не в прямом, а в косвенном смысле высказываний героев, особенно это касается речи субъекта, Николая Кавалерова, который, описывая свои чувства и эмоции, представляет одновременно и негативную оценку Андрея Бабичева. Позитивность в романе «Зависть» выражена всегда, напротив, ярким, очевидным для читателя способом. А негативность оценки может быть также скрытой, в речи неявной.

Исследуя выражения негативной и позитивной оценки в романе Юрия Олеши, мы также обратили внимание на ряд характерных стилистических особенностей художественного языка автора. Так, язык романа «Зависть» весьма необычен и, мы бы сказали, сильно отличается от языка писателей того же, послереволюционного, периода. Ю. Олеша употребляет, напри-

мер, целый ряд лексем, заимствованных из области науки и техники. Он смотрит на предметы, на людей, на их окружение в советской жизни с новой перспективы и таким же образом это описывает. Кроме того, следует подчеркнуть то, что Юрий Олеша – это мастер ассоциаций. Все значимые в тексте лексемы, а также целые выражения, не только важны, но и имеют какое-то дополнительное, неявное значение, часто бывая как бы с двойным дном. При этом главный герой романа, Николай Кавалеров, является в какой-то степени выражением «alter ego» самого писателя. А к новой эпохе Ю. Олеша относится двойственно, и более того – весьма критично, скептически и иронично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leech G. Principles of pragmatics. – London, New-York 1983.
2. url: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/858190>.
3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. – М.: Изд. «Цитадель», 1998.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2006.
5. Олеша Ю. Зависть. – М.: Художественная литература, 1983.